

шение в контексте современности — это не конечная цель, а лишь потенциальный источник инновационного развития. «Способ процветания в амбивалентном сложном мире, который всегда и уже меняется, заключается не в поиске решений, а в признании того факта, что то, что уже есть, неизбежно изменяется, открывая новые возможности» (6).

Литература

1. *Иммануэль Валлерстайн*. Конец знакомого мира. Социология 21 века. М., 2003.
2. *Карпова Ю.А.* Инновации, интеллект, образование. М., 1998.
3. *Карпова Ю.А.* Введение в социологию инноватики. М., 2004.
4. *Финн Скардеруд*. Беспокойство. Путешествие в себя. Самара: Издательский Дом «Бахрах». М., 2003. С. 19.
5. *Штомпка П.* Социология социальных изменений. М., 1996.
6. *Avgerou C., Ciborra C., Land F.* (eds.) The Social Study of Information and Communication Technology. Oxford University Press. Oxford: 2004. Saskia Sassen, University of Chicago. Sassen, S. (2004); Towards a sociology of Information Technology. P. 77–99.
7. *Gardner H.* Multiple intelligence: The theory in Practice. N.Y., 1993.
8. *Salovey P., Mayer J.D.* «Emotional Intelligence», Imagination, Cognition and Personality. N.Y., 1990.

Human intellectual resources in the context of innovative development

Y.A. Karpova, PHD, professor of the Russian State Academy of Intellectual Property

This paper considers intellectual resources in the context of the contemporary modernization process, and correspondingly ascribes a specific set of demands to the individual as both the subject and the object of innovative activities. The author presents a content-related (qualitative) approach to the definition of intellectual resources as a complement to the quantitative (statistical) one commonly applied in sociology. Such a position provides the opportunity to define both the main developmental trajectories of human intellectual resources as well as effective instruments of social management in the domain of education in a changing environment.

Key words: contemporaneity, modernisation, intellect, human intellectual resources, maturity, educational goals.

ИННОВАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

В. П. Соловьев

д. э. н., проф., заместитель директора Центра исследований научно-технического потенциала и истории науки им. Г.М. Доброва НАН Украины, г. Киев
solovyov@nas.gov.ua

Рассмотрены особенности инновационной деятельности в контексте обеспечения социальной стабильности. Обсуждена роль институциональных структур управления экономическим развитием в становлении новой парадигмы эффективного рынка с учетом возрастающего влияния самоорганизации рыночных отношений на основе экономических кластеров.

Ключевые слова: инновационная деятельность; социальная стабильность; рынки инновационной продукции; система экономического управления; самоорганизация; кластеры.

Социальная стабильность в современном понимании представляет собой устойчивое состояние социальной системы, позволяющее ей эффективно функционировать и развиваться в условиях внешних и внутренних воздействий,

сохраняя свою структуру и основные качественные параметры. Механизмами, обеспечивающими социальную стабильность, являются социальные институты государства и гражданского общества¹.

¹ http://www.glossary.ru/cgi-bin/gl_sch2.cgi?RRu.ogr;tg9!xyghor;tuxy

Интуитивно ясно, что только в условиях социальной стабильности можно достичь необходимого уровня благосостояния граждан, обеспечить требуемые темпы экономического развития страны. К сожалению, данное определение мало что дает, в том случае, если мы хотели бы оценить конкретный уровень социальной стабильности в каком-то государстве или регионе, или хотя бы определить соответствующий рейтинг. Это связано с расплывчатостью параметров, формирующих социальную стабильность. Не очень ясно, что такое «устойчивое состояние» социальной системы, какие «внешние и внутренние воздействия» имеются в виду, что подразумевается под «эффективным функционированием и развитием», как представить «структуру» социальной системы, откуда можно узнать об исчерпывающем перечне ее «качественных параметров» и, тем более, о том, что принимать за норму этих параметров. Поэтому, наверное, трудно возложить ответственность за социальную стабильность на какие-то конкретные социальные институты государства и гражданского общества, а значит и определить, каковы конкретные функции «механизма», обеспечивающего социальную стабильность.

На модельном уровне задачу можно было бы упростить путем использования идеологии так называемого робастного управления². Эта идеология представляет собой совокупность методов, целью которых является синтез регулятора, который обеспечивал бы, по крайней мере, приемлемое качество управления в том случае, если характеристики объекта управления отличаются от расчетных, или математическая модель этого объекта неизвестна. Имеются в виду минимаксные, порядковые и ранговые процедуры, которые могут быть применены, к примеру, для обеспечения необходимого запаса социальной стабильности.

Однако здесь есть еще одна трудность, связанная с изменчивостью во времени представлений о социальной стабильности. При этом в странах с разным уровнем социально-экономического развития, разными традициями и разными целевыми установками, обеспечение социальной стабильности основывается, хотя и на качественных, но, все-таки, на разных методологических подходах. Основу этих подходов можно найти в работах философов и социологов, которые довольно активно исследовали проблему социальной стабильности в XIX–XX столетиях. Представляется интересным проследить динамику развития их представлений о социальной стабильности во взаимосвязи с экономическими реалиями.

Первый период в развитии философско-социологических представлений о социальной стабильности можно отнести ко второй половине XIX века и началу XX века, то есть ко времени, когда основой теоретической экономики было представление о необходи-

мости достижения равновесия между производством и потреблением. На этом этапе стабильность общества воспринималась философами и социологами как некоторая равновесная целостность (Огюст Конт, Герберт Спенсер), то есть как взаимосвязанное, интегральное единство, стремящееся к гармонии, порядку, консенсусу, солидарности. Считалось, что стабильность противоположна изменчивости и поэтому постулировалось необходимость закрытости общественных структур как основной фактор достижения взвешенности и статической стабильности³.

В первой половине XX века стабильность стала рассматриваться как процесс установления соответствия между модернизацией социальных функций и изменением структуры общества, включая его институты. Это позволило соединить статические и динамические методы исследования социальных систем⁴.

Экономическая система в этот период стала рассматриваться как открытая система, которая, стремясь к равновесию, принципиально не может его достичь. Это позволило рассматривать в качестве источников существования и развития социальных систем не только внутренние ресурсы, но и потоки вещества, информации и энергии, которые поступают из внешнего мира. Внутренние ресурсы рассматриваются здесь как средство обеспечения взаимного обмена входов и выходов как между элементами системы (подсистемами), так и между системой и ее окружением. При этом стабильность фактически рассматривается как процесс⁵. Для этого периода характерно заимствование некоторых идей, которые раскрывают *процесс стабилизации*, у классической механики (Толкотт Парсонс). К числу таких заимствований относятся, в частности:

- принцип инерции (процесс действия будет продолжаться до тех пор, пока противоположно направленные мотивирующие силы не задержат или не отклонят его);
- принцип внутренней реакции (если в системе имеет место изменение направления действия, система стремится воспрепятствовать этому с помощью внутренних изменений, которые сравнимы по мотивационной силе, но противоположны по направлению);
- принцип реакции на внешние усилия (любое изменение скорости процесса действия прямо пропорционально величине мотивационного усилия).

Данные три «закона стабильности» очень напоминают три закона Ньютоновской механики.

В такой интерпретации условия достижения социальной стабильности сводятся к обеспечению устойчивости институционального комплекса, который должен характеризоваться стабильностью нормативных стандартов; симметрией между склонностью к действию и определенными социальным ожидани-

² Статистические методы анализа информации в социологических исследованиях. М.: Наука, 1979. С. 178–194.

³ Савин С.Д. Политическая стабильность в изменяющемся обществе (Социологическая постановка проблемы) / Вестник Санкт-Петербургского университета, серия 6, СПб, 2000, № 22.

⁴ Паутова Л.А. Комплексный подход к исследованию социального представления о стабильности / Социология: 4М, 2004, № 19. С. 32–65.

⁵ Парсонс Т. Система современных обществ / Пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева. М.: Аспект-Персс, 1998.

ями; одинаковым и неискаженным определением всеми субъектами социальных отношений «ситуации».

В середине и особенно во второй половине XX века, идея социального равновесия стала рассматриваться как несовершенная и даже ошибочная. Рассматривая как основную движущую силу социальной стабильности не нормы и ценности, а интересы, не порядок, а отсутствие согласованности и конфликты, социологи пришли к выводу о позитивной и творческой, а не разрушающей функции конфликта в обществе. Насилие, разногласия, отклонения могут быть при определенных условиях основой интеграции системы, ее приспособления к среде, а также может быть инструментом формирования, стандартизации и поддержки социальной структуры. К этому периоду относится появление термина «креативное разрушение», которым Й. Шумпетер определил процессы трансформации, которые сопровождают радикальные инновации. Оказывается, что жизнь, используя инновации, борется с конфликтами ради обеспечения стабильности и одновременно эти конфликты постоянно воспроизводит⁶. Особенно выразительно это направление проблем социальной стабильности рассматривается в синергетике. Устойчивость и равновесие, вообще, оцениваются здесь как возможный тупик эволюции (И. Пригожин)⁷. В то же время неустойчивость может выступать условием стабильного и динамического развития (Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов)⁸.

Нововведения, направленные в большинстве своем на решение конкретных технологических, а иногда и социальных проблем с неизбежностью выступают источником нестабильности в ближайшем ареале их использования. Это связано с тем, что реализация главной целевой функции инноваций — повышения производительности труда, — непосредственно ведет к сокращению рабочих мест, а значит к повышению социальной напряженности. Кроме того, важно заметить, что инновационная продукция часто ведет себя на отраслевых рынках непредсказуемо⁹. А, именно, может существенно менять отношения между производителями и потребителями на смежных рынках, а не на том рынке, где действует «источник» этой продукции. Некоторые инновации могут способствовать появлению абсолютно новых отраслевых рынков. Однако все перечислены проблемы, которые на первый взгляд ухудшают условия стабильного социального развития, носят сугубо локальный характер. Что же касается проблем взаимодействия с окружающим миром, то, повышая информационное разнообразие производственных и организационных систем конкретных территорий, инновации способствуют более эффективному взаимодействию этих территорий с внешним миром.

В связи с ориентацией большинства стран мира на инновационное развитие экономики привело к тому, что философами, социологами и экономистами изменчивость технологических и организационных систем рассматривается как важный фактор экономического роста. Казалось бы, что инновации должны стать сердцевинной государственной политики большинства развитых стран в плане обеспечения социальной стабильности.

Однако, властные структуры, которые фактически отвечает за социальную стабильность, продолжают рассматривать социальную стабильность как статический процесс и не спешат сбалансировать социальные и технологические изменения в пространстве и во времени. В результате одним из нарастающих противоречий между антимонопольной политикой, которая концентрирует отношение власти к рынку, и современной экономической теорией, которая определяет практику формирования приоритетов взаимодействия хозяйствующих субъектов на отраслевых рынках, является усиливающееся влияние инновационных факторов, которые и определяют, по общему мнению, эффективность экономического развития. При этом базой формализации алгоритмов антимонопольного регулирования до сих пор является модель так называемой совершенной конкуренции, которую разработали в 1920-х годах экономисты-математики с целью формализации рыночных процессов и унификации различных теорий конкуренции, бытовавших в XIX столетии. В результате целью соперничества и предпринимательства при конкуренции стали считать стремление к равенству цены предельным издержкам. Как только конкуренцию начали определять в терминах структуры рынка, власть стала все активнее стремиться использовать методы антимонопольного регулирования как способа заставить мир бизнеса соответствовать именно их теории конкуренции.

Принимая во внимание, что в условиях инвестиционно-инновационной модели экономического развития желательно (а в некоторых случаях и обязательно) переходить на новые организационно-финансовые механизмы экономического регулирования, возникает задача модификации институциональной системы государственного управления. В развивающихся странах модификация этой институциональной системы происходит как бы самопроизвольно, вслед за достижением страной определенных экономических макропоказателей. Сложнее обстоит дело в странах с переходной экономикой, к которым относится Украина и все страны, входящие ранее в СССР, где институциональные системы были проблемно ориентированы на вполне определенную и, причем, достаточно единообразную схему управления экономикой. Здесь приходится решать двуединую задачу: обоснования

⁶ Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М., 1995. С. 128.

⁷ Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой: Пер. с англ. / Общ. ред. В.И. Аршинова, Ю.Л. Климонтовича и Ю.В. Сачкова. М.: Прогресс, 1986. 432 с.

⁸ Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика как новое мировидение: диалог с И. Пригожиным / Вопросы философии. № 12, 1992.

⁹ Соловьев В.П. Конкуренция в условиях инновационной модели развития экономики / Под науч. ред. доктора экономических наук Б.А. Малицкого. Киев: Феникс, 2006. С. 131–141.

принципов и направлений разрушения старой и введения на этих руинах новой институциональной системы экономического управления. При этом приходится учитывать, во-первых, сопротивление старой системы и существенную неопределенность задач, которые должны решаться новой системой.

Первым делом здесь напрашивается вариант адаптации институциональной системы, хорошо зарекомендовавшей себя ранее где-то в другом месте. И прежде всего кажется, наиболее целесообразно воспринимать опыт развитых стран. Однако такой подход таит в себе непредсказуемые препятствия. Страны с развитой рыночной экономикой имеют разные системы рыночных институтов и поэтому, как говорится, есть из чего выбирать. Однако следует помнить, что каждая из систем складывалась под влиянием культуры и истории той или иной страны, поэтому при заимствовании возникает опасность возникновения институциональных конфликтов между укоренившимися и внедряемыми нормами¹⁰. Чаще всего институциональный конфликт приводит к появлению нежизнеспособных институтов. В ряде случаев появляются устойчивые, но неэффективные образования, которые по существу являются своеобразной формой институциональной ловушки.

Не исключено, что организационной инновацией, которая помогла бы решить эту проблему, могли бы стать так называемые *кластеры*, которые, кстати, позволяют экономике развиваться *за рамками конкуренции по факторным издержкам*. Следует отметить, что кластеры являются эффективным средством обеспечения социальной стабильности на региональном уровне. В понимании М.Портера, это «группа географически соседствующих взаимосвязанных компаний и связанных с ними организаций, действующих в определенной сфере, характеризующихся общностью деятельности и взаимодополняющих друг друга»¹¹. Важно, что кластеры возникают стихийно, самостоятельно «подстраиваются» как под вызовы, приходящие извне, так и под реально действующие национальные институциональные системы управления. Исходя из этого, кластеры по своей природе не требуют для своего создания усилий со стороны властных структур. В то же время государство заинтересовано в появлении кластеров как некоторых корпоративных хозяйствующих структур, содействующих повышению конкурентоспособности экономики. Поэтому понятно стремление правительств содействовать появлению и развитию кластеров. Однако для этого в арсенале правительств должны появиться *принципиально новые организационно-финансовые механизмы* экономического регулирования.

Очевидно, что реализация правительством функций стимулирования развития и совершенствования кластеров даже при наличии соответствующих ин-

ституциональных элементов, может быть успешной только после того, как в стране будет «освоена» новая идеологию управления. «Освоена» означает имплецирована во все уровни управления и производства.

Одной из важных особенностей такой идеологии является то, что правительство должно ориентироваться на усиление и развитие, а также на совершенствование *всех* кластеров, а не только избранных. И, тем более, не тех, которые созданы по инициативе «сверху». А искушение централизованного создания если не кластеров, то кластероподобных структур (как это произошло, например, в Украине с технопарками) имеет место всегда.

Постановка задачи выявления кластеров, которые действуют и зарождаются на некоторой территории, возможна только при наличии соответствующего методического инструментария. Если есть кому и известно, как выявлять экономические кластеры на какой-то территории, можно развивать идею использования кластеров в качестве средства повышения социальной стабильности в условиях инвестиционно-инновационной модели экономического роста. При этом однако, следует учитывать, что активная инновационная деятельность представляет реальную опасность для существования большинства кластеров, а именно кластеров «классических», долго живущих.

Этот феномен связан с тем, что между участниками успешно функционирующих кластеров, как правило, имеет место сбалансированность технологических укладов, которые используются для ведения хозяйственной деятельности. Как известно, технологический уклад можно определить как крупный комплекс технологически сопряженных производств¹². Принимая во внимание, что инновация в большинстве случаев действует локально, то есть вносит изменения в организацию и структуру производственного процесса конкретного предприятия, или, в лучшем случае, конкретной отрасли, технологическая сопряженность производств отдельных предприятий, входящих в кластер, с большой вероятностью будет нарушена, а кластер, скорее всего, прекратит свое существование. Отсюда напрашивается вывод о том, что в условиях инвестиционно-инновационной модели экономического роста, во-первых, важно выявлять кластеры, в которые входят предприятия, использующие наиболее передовые технологические уклады, а, во-вторых, активизация инновационной деятельности на определенной территории, несомненно, будет содействовать разрушению низкоукладных кластеров и возникновению кластеров высокоукладных. И первое, и второе, конечно же будет содействовать социальной стабильности на территории региона или государства.

Завершая краткий анализ влияния инновационной деятельности на социальную стабильность в со-

¹⁰ Полтерович В.М. На пути к новой теории реформ / Экономическая наука современной России, № 3, 1999. С. 32–48.

¹¹ Портер М.Э. Конкуренция / Пер. с англ. М.: Издательский дом «Вильямс», 2005. С. 258.

¹² Глазьев С.Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М.: Владар, 1993.

временном мире, хотелось бы еще раз отметить, что само понимание социальной стабильности в условиях глобализационных вызовов предполагает акцент внимания именно на те институциональные и структурные особенности экономических систем, которые позволяют выстраивать отношения между государством и первичными экономическими агентами не на основе реализации запланированных заранее взаимных обязательств, а, скорее, на основе самоорганиза-

ции субъектов хозяйственной деятельности. И поэтому, формируя экономическую политику, государство не должно игнорировать указанную способность к самоорганизации, а всячески стимулировать проявление такой способности или, по крайней мере, не препятствовать ей. Несоблюдение такого подхода с неизбежностью приведет к тому, что прогресс в экономике государства будет упущен и социальная стабильность в современном ее понимании — нарушена.

Innovation activity as a Factor of Social Stability

V. P. Soloviov, PhD, Professor

The features of innovation activity in the context of ensuring social stability are considered. The role of institutional governance of economic development in the formation of a new paradigm of an efficient market is discussed. At the same time it is taking into account the growing influence of self-organization of market relations on the basis of the economical clusters.

Key words: *innovation activity; social stability; markets of innovative products; the system of economic management; self-organization; clusters.*

ИННОВАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ПОКАЗАТЕЛИ И МЕТОДЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ

А. Л. Гапоненко

д. э. н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, д. ч. РАЕН,
зав.кафедрой менеджмента РАГС при Президенте РФ, г. Москва
gapon7@gmail.com

В статье уточняется понятие инноваций, анализируются распространенные мифы, касающиеся инновационной деятельности, анализируются некоторые показатели, характеризующие состояние российской национальной инновационной системы. Рассматривается краудсорсинг как прогрессивная форма инновационной деятельности.

Ключевые слова: *инновации, национальная инновационная система, краудсорсинг.*

В последнее время стало модным рассуждать об инновациях. Мы видим, что в речах политиков разного уровня все чаще стали употребляться слова «инновации», «переход на инновационный путь развития» и пр. В целом эта мода — полезное явление. Действительно, стране крайне необходимо перейти на новые основы собственного развития. Интенсификация инновационных процессов — это не пожелание, не наметившаяся тенденция, а жесткое требование современного мира. В то же время за модой иногда скрывается не вполне точное понимание того, что та-

кое инновации, и соответственно не вполне верное представление о том, как можно оценить уровень инновационной активности. Это, в свою очередь, ведет за собой искаженные представления о готовности экономики перейти на инновационный путь развития, а также о направлениях инновационной политики как на уровне страны в целом, так и на уровне регионов.

Как известно, инновация — это нововведение в области техники, технологии, организации труда или управления, обеспечивающее повышение эффективности. Иногда инновация основана на изо-